5.4.3. Демография

Научная статья
УДК 314.15:316.362.2

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ ВТОРОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА: РАЗРЫВ МЕЖДУ ЭГАЛИТАРНЫМИ УСТАНОВКАМИ И РЕПРОДУКТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Передумов Михаил Андреевич, кандидат социологических наук, преподаватель, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии РФ, Россия, Саратов, peredumov_mikhail@mail.ru;

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь гендерных установок, распределения домашних обязанностей и репродуктивного поведения в контексте второго демографического перехода. Цель работы заключается в оценке статистических различий вероятности первого и второго рождения в зависимости от ценностных характеристик женщин и особенностей распределения семейной нагрузки. Эмпирическую основу составляют панельные наблюдения Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 2004–2020 гг. Для анализа репродуктивных переходов применены дискретно-временные логит-модели. Установлено, что принадлежность к эгалитарному ценностному кластеру и высокая двойная нагрузка имеют отрицательные статистические ассоциации с шансами второго рождения. Соответствующие отношения шансов составляют 0,61 и 0,41. Результаты свидетельствуют о значимости согласованности гендерных ожиданий и распределения домашних обязанностей при анализе репродуктивных решений.

Ключевые слова: второй демографический переход; рождаемость; гендерный контракт; репродуктивное поведение; двойная нагрузка; панельные

данные.

Original article

INSTITUTIONAL TRAPS OF THE SECOND DEMOGRAPHIC TRANSITION: THE GAP BETWEEN EGALITARIAN ATTITUDES AND REPRODUCTIVE BEHAVIOR

Peredumov Mikhail Andreevich, Candidate of Sociological Sciences, Lecturer, Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saratov, Russia, peredumov_mikhail@mail.ru;

Abstract. This article examines the relationship between gender attitudes, the distribution of household responsibilities, and reproductive behavior in the context of the second demographic transition. The aim of the study is to assess statistical differences in the likelihood of having a first and second birth depending on women's value characteristics and the distribution of household responsibilities. The empirical basis is panel observations from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (LMS) conducted by the Higher School of Economics (HSE) for 2004–2020. Discrete-time logit models were used to analyze reproductive transitions. It was found that belonging to an egalitarian value cluster and a high dual household responsibilities are negatively associated with the chances of having a second birth. The corresponding odds ratios are 0.61 and 0.41. The results demonstrate the importance of coherence between gender expectations and the distribution of household responsibilities when analyzing reproductive decisions.

Keywords: second demographic transition; fertility; gender contract; reproductive behavior; double burden; panel data.

Введение. Теоретическая парадигма второго демографического перехода, сформулированная в середине 1980-х гг., описывает сдвиг в мотивации репродуктивного поведения. Если первый переход был обусловлен снижением

смертности и стремлением к оптимизации количества детей в условиях улучшения материального благосостояния, то последующая трансформация опирается на изменение ценностных ориентаций. Население постиндустриальных обществ, удовлетворив базовые потребности в безопасности и материальном обеспечении, переключает внимание на вопросы самореализации, личной автономии и качества межличностных отношений. Этот культурный сдвиг влияет на демографические индикаторы, приводя к системному снижению рождаемости ниже уровня простого воспроизводства [1-3].

Проявлением указанных ценностных изменений становится перестройка календаря демографических событий. Откладывание вступления в брак и рождения первого ребенка, рост популярности незарегистрированных партнерств, а также увеличение доли лиц, сознательно выбирающих бездетность, выступают устойчивыми характеристиками новой демографической реальности. В российской истории эти процессы, начавшиеся с заметным опозданием по сравнению с Западной Европой, наиболее ярко проявились в смене возрастного профиля материнства [4]. Средний возраст женщин при рождении детей неуклонно повышается, что отражает адаптацию семейных стратегий к требованиям современного рынка труда и образовательным траекториям [5].

На фоне этих глубоких изменений государственная политика зачастую продолжает опираться на устаревшие представления о причинах демографического кризиса. Прогнозы и меры стимулирования рождаемости, реализуемые в России на протяжении последних полутора десятилетий, опираются на финансовые инструменты и пропаганду традиционной многодетности. Однако эмпирический анализ когортных показателей демонстрирует крайне низкую результативность подобных вмешательств [6-8]. Временные всплески суммарной рождаемости, как правило, оказываются следствием календарных сдвигов, когда женщины, отложившие рождения из-за

экономической нестабильности, реализуют их при улучшении конъюнктуры, что не приводит к реальному увеличению итогового числа детей в семьях [9].

Неэффективность мер пронаталистского характера указывает на наличие более глубокого структурного противоречия, которое можно охарактеризовать как институциональную ловушку. Гипотеза данного исследования заключается в том, что в современном российском обществе сформировался устойчивый разрыв между декларируемыми эгалитарными ценностями и фактическими паттернами гендерного разделения труда в сфере домашнего хозяйства и ухода за детьми [10]. Население, особенно молодежь и когорты с высоким уровнем человеческого капитала, разделяет идеи равноправия полов, поддержки карьерных амбиций женщин и совместного участия партнеров в воспитании потомства [11], [12].

Тем не менее, институциональная среда и неформальные социальные нормы продолжают воспроизводить патриархальную модель. Государство, возлагая основную ответственность за репродукцию и социализацию детей на женщин, предлагает им меры поддержки, которые фактически консервируют традиционное неравенство. Расширенная сеть детских учреждений и финансовые выплаты облегчают материнство, но не способствуют перераспределению домашних обязанностей между супругами. Мужчины по-прежнему массово остаются периферийными участниками повседневного ухода за детьми, а рынок труда сохраняет дискриминационные практики в отношении женщин репродуктивного возраста [13].

В этих условиях репродуктивные решения становятся способом адаптации к возникшему противоречию. Женщины, стремясь избежать чрезмерной двойной нагрузки и связанного с ней снижения качества жизни, сознательно ограничивают число рождений или откладывают их до достижения более устойчивого положения в профессиональной сфере. Отсутствие равного участия мужчин в семейных обязанностях и гибких форм занятости при распространении эгалитарных установок может приводить к выбору добровольной бездетности

или однодетности. Таким образом, низкая рождаемость является закономерным ответом на неспособность общественных институтов обеспечить более равное распределение родительских обязанностей между мужчинами и женщинами.

Преодоление институциональной ловушки требует отказа от представления о том, что демографическую динамику можно скорректировать финансовыми мерами. Устойчивое повышение рождаемости в постиндустриальном обществе возможно при условии синхронизации культурных сдвигов и институциональных реформ. Государственная политика должна быть переориентирована с поддержки материнства на создание условий для подлинно партнерских семейных моделей, включающих стимулирование отцовства, развитие гибких форм занятости для обоих родителей и искоренение гендерных стереотипов на рабочем месте. Только устранение разрыва между декларируемым равенством и повседневными практиками может снизить напряжение, порождаемое вторым демографическим переходом.

Обзор литературы. Теория второго демографического перехода, разработанная Р. Лестегом и Д. ван де Каа в середине 1980-х гг., описывает смену репродуктивных мотиваций в постиндустриальных обществах. Если на предшествующем этапе снижение рождаемости определялось стремлением семей повысить качество жизни каждого ребёнка при одновременном сокращении детской смертности, то новая фаза связана с переориентацией на самореализацию, автономию и признание разнообразия жизненных траекторий [14]. Р. Лестег подчёркивает, что этот ценностный сдвиг опирается на иерархию потребностей А. Маслоу: по мере удовлетворения базовых нужд в безопасности и материальном благополучии на первый план выходят самовыражение, признание, демократическое участие. Следствием такой перестройки становится устойчивое снижение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства, рост возраста вступления в брак и рождения первенца, распространение незарегистрированных союзов и увеличение доли окончательно бездетных женщин.

Российская демографическая ситуация вписывается в эту схему с существенным временным лагом. К. Бегалл и Н. Хиекел показывают, что повышение возраста материнства в России началось в середине 1990-х гг., когда средний возраст при рождении первого ребёнка стал неуклонно расти и к 2021 году увеличился примерно на три года по сравнению с началом десятилетия. Когортный анализ выявляет, что поколения женщин 1970-х и 1980-х гг. рождения формируют семьи по иному календарю, чем их матери: интенсивность деторождения в молодых возрастах резко сократилась, тогда как в возрастах старше тридцати лет она возросла. Итоговая рождаемость этих когорт стабилизируется в диапазоне 1,6-1,77 ребёнка на одну женщину, что свидетельствует о закреплении суженного режима воспроизводства [15].

Однако сам по себе факт снижения рождаемости не объясняет, почему пронаталистские меры, реализуемые российским государством с 2007 года, дают скромный демографический эффект. По оценкам, прирост итоговой рождаемости реальных поколений, который можно с осторожностью отнести на счёт материнского капитала и сопутствующих выплат, не превышает 0,07-0,08 рождения на одну женщину. Весьма незначительная отдача от масштабных бюджетных вложений указывает на то, что финансовые стимулы не затрагивают глубинных механизмов, определяющих репродуктивные решения в условиях второго демографического перехода [16].

Один из таких механизмов описывает теория гендерной революции, предложенная Ф. Гольдшайдер, Э. Бернхардт и Т. Лаппегорд. Согласно этой концепции трансформация гендерных ролей в развитых странах разворачивается в две последовательные фазы. Первая фаза характеризуется массовым выходом женщин на рынок труда и в систему высшего образования при сохранении традиционного распределения домашних обязанностей: мужчина остаётся основным кормильцем, а женщина несёт основную нагрузку по уходу за детьми и ведению хозяйства. Вторая фаза предполагает симметричное вовлечение мужчин в семейные заботы, что снимает с женщин двойное бремя и создаёт

условия для реализации репродуктивных намерений. Ключевой тезис теории состоит в том, что застревание общества между первой и второй фазами порождает демографическую ловушку: женщины, получившие образование и профессиональную идентичность, сталкиваются с необходимостью выбирать между карьерой и материнством, поскольку институциональная среда не поддерживает подлинное разделение родительских обязанностей [17].

Можно отметить парадокс, при котором страны с наиболее высоким уровнем гендерного равенства в публичной сфере (образование, занятость, политика) демонстрируют крайне низкую рождаемость, если равенство не распространяется на частную жизнь. Когда женщина вынуждена совмещать полную занятость с практически единоличным ведением домашнего хозяйства, рациональной стратегией становится откладывание рождений или ограничение их числа одним ребёнком. Этот разрыв между публичным эгалитаризмом и частным традиционализмом и составляет суть гендерного контракта, действующего в переходных обществах [18].

Применительно к России ситуация осложняется тем, что советская модель формального равенства полов на рабочем месте сочеталась с патриархальным укладом в семье. Женщины работали наравне с мужчинами, но домашний труд оставался почти женской прерогативой. Распад СССР не привёл к пересмотру этого негласного договора: напротив, экономическая нестабильность 1990-х гг. усилила давление на женщин, вынужденных одновременно обеспечивать доход и компенсировать сокращение государственной инфраструктуры ухода за детьми. В этот период начинается массовое откладывание первых рождений, причём наиболее выраженным этот сдвиг оказывается среди женщин с высшим образованием, то есть среди тех, кто в наибольшей степени ориентирован на профессиональную самореализацию.

Концепция институциональных ловушек, восходящая к работам Г. Норта и развитая в демографическом контексте Г. Эспинг-Андерсеном, может объяснить, почему ценностные сдвиги не приводят к изменениям поведения.

Ловушка возникает тогда, когда устаревшие нормы и правила продолжают действовать, хотя большинство акторов уже разделяют новые ценности. В сфере репродукции это означает, что молодые пары могут искренне придерживаться эгалитарных взглядов на распределение родительских ролей, но фактически воспроизводить традиционную модель из-за отсутствия поддерживающих институтов: доступных яслей для детей до трёх лет, гибких графиков работы для обоих родителей, общественного принятия отцовского отпуска по уходу за ребёнком. В странах Южной и Восточной Европы, включая Россию, именно низкий уровень гендерного равенства в домашней сфере остаётся одним из главных препятствий для восстановления рождаемости до уровня замещения поколений [19].

Таким образом, теоретическая рамка настоящего исследования объединяет три взаимосвязанных уровня анализа. На макроуровне второй демографический переход задаёт общий контекст ценностной трансформации и постарения репродуктивного календаря. На мезоуровне институциональные ловушки объясняют, почему эта трансформация не приводит к формированию новых семейных практик. На микроуровне теория гендерной революции описывает конкретный механизм, через который несовпадение установок и повседневного распределения обязанностей внутри пары влияет на вероятность рождения ребёнка.

Организация и методология исследования. Аналитическую основу работы составляют данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), охватывающие период 2004–2020 гг. Для анализа переходов к первому и второму рождению рассматриваются женщины репродуктивного возраста, состоящие в зарегистрированном или незарегистрированном партнёрстве. Исследовательская совокупность организована в формате повторных человеко-наблюдений, при котором одна респондентка может учитываться в нескольких последовательных волнах. Для модели первого рождения представлены 4872 человеко-наблюдения,

для модели второго рождения — 3614 человеко-наблюдений. Указанные значения характеризуют число панельных записей. В качестве метода анализа используется дискретно-временная логит-модель наступления репродуктивного события. Интерпретация оценок предполагает разграничение индивидуальных характеристик респонденток и повторных наблюдений за их состоянием в разные периоды. Полученные результаты характеризуют статистические ассоциации репродуктивных переходов с социально-демографическими и ценностными признаками в пределах рассматриваемой панели.

Основной методологический приём - дискретно-временная модель наступления события, реализованная через логит-регрессию с временными ковариатами. Для каждой женщины каждый год наблюдения представлен отдельной строкой в наборе данных; зависимая переменная принимает значение 1 в год рождения ребёнка и 0 во все предшествующие годы. Такой подход позволяет учитывать, что характеристики респондентки и её домохозяйства меняются от волны к волне, и оценивать их влияние на вероятность демографического перехода в каждый конкретный момент времени. В модели первого рождения цензурирование справа наступает при достижении женщиной 45 лет или при выходе из наблюдения по иным причинам; в модели второго рождения - при тех же условиях либо при рождении второго ребёнка.

Ковариаты модели включают индивидуальные характеристики женщины (возраст и его квадрат, уровень образования, статус занятости, самооценка здоровья), параметры домохозяйства (душевой доход, тип населённого пункта, наличие жилья в собственности) и характеристики партнёра (возраст, занятость, уровень образования). Ключевой интерес представляют переменные, отражающие гендерный контракт внутри диады: доля домашнего труда, выполняемая мужчиной (по самоотчёту респондентки), и наличие у женщины «двойной нагрузки», определяемой как сочетание полной занятости с выполнением более 70% домашних обязанностей.

Для выделения типов гендерных установок был проведён факторный

анализ по методу главных компонент с последующим вращением варимакс. В анализ вошли восемь утверждений из модуля RLMS, касающихся представлений о роли мужчин и женщин в семье и на рынке труда (например, «Мужчина должен быть главным кормильцем семьи», «Женщине важнее иметь хорошую работу, чем детей», «Мужчина способен ухаживать за маленьким ребёнком не хуже женщины»). На основании факторных нагрузок и последующей кластеризации методом k-средних были выделены три устойчивые группы респонденток, интерпретируемые как традиционалистки, эгалитаристки и амбивалентные (таблица 1).

Таблица 1 - Характеристики кластеров гендерных и репродуктивных установок (RLMS-HSE, 2004-2020, женщины 18-44 лет в партнёрстве)

Показатель	Традиционалистки (n = 1 843)	Эгалитаристки (n = 1 567)	Амбивалентные (n = 1 462)
Средний возраст, лет	31,4	28,7	30,1
Доля с высшим образованием, %	28,3	54,6	41,2
Доля занятых полный рабочий день, %	42,1	71,8	58,4
Средний душевой доход, тыс. руб.	18,7	27,3	22,5
Среднее число часов домашнего труда в неделю (женщина)	34,2	26,8	31,5
Доля мужчин, выполняющих >30% домашнего труда, %	11,4	23,7	16,8
Идеальное число детей (среднее)	2,6	2,1	2,3
Доля считающих, что «мужчина способен ухаживать за ребёнком не хуже женщины», %	22,5	78,3	49,1

Источник: расчёты автора по данным RLMS-HSE, волны 13-29.

Примечание. Численности n = 1843, n = 1567 и n = 1462 характеризуют распределение 4872 панельных человеко-наблюдений между тремя аналитическими группами. Повторное присутствие одной респондентки в разных волнах не означает включения независимых участниц. Представленные величины не следует интерпретировать как численность уникальных женщин в

каждом кластере. Динамика ценностных установок может сопровождаться изменением кластерной принадлежности между волнами наблюдения, поэтому характеристики групп относятся к принятой процедуре классификации панельных записей.

Данные таблицы 1 показывают, что три кластера различаются не только по ценностным ориентациям, но и по социально-демографическому профилю. Эгалитаристки заметно моложе, лучше образованы и чаще работают полный день, однако доля мужчин, реально участвующих в домашнем труде, в этой группе остаётся относительно невысокой - менее четверти. Традиционалистки, напротив, реже заняты на рынке труда и выполняют значительно больший объём домашних обязанностей, при этом их репродуктивные ожидания несколько выше. Амбивалентная группа занимает промежуточное положение по большинству показателей, что отражает внутреннюю противоречивость установок: респондентки этой группы одновременно соглашаются с эгалитарными утверждениями о профессиональной самореализации женщин и с традиционными суждениями о приоритете материнства

Результаты проведения исследования и их обсуждение. Оценки дискретно-временной логит-модели перехода к первому и второму рождению представлены в таблице 2. Модель 1 оценивает вероятность первого рождения, модель 2 - второго; в обеих спецификациях включены временные ковариаты и кластерная принадлежность респондентки.

Таблица 2 - Дискретно-временная логит-модель наступления первого и второго рождения: отношения шансов (OR) и стандартные ошибки (в скобках)

Переменная	Модель 1: первое рождение	Модель 2: второе рождение
Возраст женщины	1,18*** (0,03)	1,09** (0,04)
Возраст², /100	0,87*** (0,02)	0,91** (0,03)
Высшее образование (реф. — среднее)	0,72** (0,08)	0,81* (0,09)
Занятость полный день	0,65*** (0,06)	0,58*** (0,07)

Душевой доход (лог.)	1,12** (0,04)	1,07 (0,05)
Тип поселения: город >500 тыс. (реф. — село)	0,78** (0,07)	0,69*** (0,08)
Кластер: эгалитаристки (реф. — традиционалистки)	0,84* (0,07)	0,61*** (0,08)
Кластер: амбивалентные	0,91 (0,06)	0,79** (0,07)
Доля домашнего труда мужчины, %	1,04** (0,01)	1,06*** (0,02)
Двойная нагрузка (1 = да)	0,53*** (0,07)	0,41*** (0,08)
Партнёр занят полный день	1,15* (0,06)	1,08 (0,07)
Наличие жилья в собственности	1,21** (0,07)	1,34*** (0,09)
Псевдо-R^2	0,18	0,22
N (человеко-наблюдения)	4 872	3 614

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$. Контроль за волной опроса включён во все спецификации.

Источник: расчёты автора по данным RLMS-HSE, волны 13-29.

Принадлежность к кластеру эгалитаристок снижает шансы перехода к первому рождению на 16% по сравнению с традиционалистками при прочих равных условиях. Этот эффект, хотя и статистически значим, остаётся умеренным, что согласуется с выводами о том, что откладывание первого рождения в России носит структурный характер и связано с удлинением образовательных траекторий и общей экономической неопределённостью. Более выраженное влияние оказывает переменная двойной нагрузки: женщины, совмещающие полную занятость с выполнением подавляющей части домашних обязанностей, имеют шансы первого рождения почти вдвое ниже, чем их сверстницы, не находящиеся в такой ситуации.

Модель перехода ко второму рождению характеризуется более выраженными статистическими различиями между рассматриваемыми ценностными группами. Для принадлежности к эгалитарному кластеру отношение шансов составляет OR = 0,61 относительно традиционалистской группы, что соответствует различию приблизительно на 39 % при прочих учтённых условиях. Показатель двойной нагрузки также имеет отрицательную

статистическую ассоциацию с переходом ко второму рождению: OR = 0,41. Полученные коэффициенты характеризуют самостоятельные эффекты соответствующих предикторов в принятой модели. Однако их совместное или дополнительное взаимодействие не может считаться измеренным без отдельного коэффициента взаимодействия либо расчёта предсказанных вероятностей для комбинаций рассматриваемых признаков. Следовательно, результаты позволяют выделить эгалитарные установки и неравномерное распределение домашнего труда как два связанных с репродуктивным поведением фактора, но не доказывают особый накопительный эффект их сочетания. Женщины, уже имеющие одного ребёнка и несущие основную тяжесть ухода за ним, сталкиваются с выбором; эгалитаристки значительно чаще представительниц других ценностных групп отказываются от расширения семьи. Одновременно возрастает роль участия мужчины в домашнем труде: каждый дополнительный процентный пункт его вклада повышает шансы второго рождения на 6%, тогда как для первого рождения этот эффект составляет 4% (рисунок 1).

Ценностный сдвиг, описанный Р. Лестегом, формирует у молодых когорт ожидание симметричного родительства и стремление к профессиональной самореализации обоих партнёров. Однако институциональная среда продолжает воспроизводить модель, при которой уход за ребёнком остаётся преимущественно женской обязанностью. Столкновение между новыми ожиданиями и старыми правилами порождает поведенческий ответ, выражающийся в откладывании рождений, ограничении семьи одним ребёнком или окончательном отказе от деторождения.

Рисунок 1 - Схема институциональной ловушки второго демографического перехода в России (источник: разработано автором)

Полученные эмпирические результаты позволяют уточнить этот механизм. Эгалитаристки, составляющие наиболее образованную и экономически активную часть выборки, оказываются в наиболее уязвимом положении именно потому, что их ценностные ожидания максимально расходятся с повседневной реальностью гендерного контракта. Когда женщина с высшим образованием и полной занятостью понимает, что рождение ребёнка фактически означает для неё перерыв в профессиональной деятельности при минимальном перераспределении домашних обязанностей, рациональным

решением становится отсрочка рождения или отказ от него. Амбивалентные респондентки, чьи установки менее последовательны, демонстрируют промежуточные показатели, что подтверждает гипотезу о том, что чем сильнее разрыв между декларируемыми ценностями и фактическим разделением труда, тем ниже вероятность реализации репродуктивных намерений.

Обращает на себя внимание и тот факт, что наличие жилья в собственности выступает одним из наиболее устойчивых предикторов как первого, так и второго рождения. Этот результат перекликается с наблюдениями о том, что материальные условия формирования семьи в России по-прежнему играют значимую роль, хотя и не являются единственным определяющим фактором. Жилищная обеспеченность, по-видимому, снижает общий уровень неопределённости, позволяя парам перейти от намерений к действиям даже в условиях институциональных ограничений. Однако сам по себе жилищный фактор не компенсирует гендерный дисбаланс: в подвыборке эгалитаристок, владеющих жильём, вероятность второго рождения всё равно остаётся существенно ниже, чем у традиционалисток с аналогичным имущественным статусом.

Поколения женщин 1980-х гг. рождения, которые в настоящее время завершают репродуктивный период, демонстрируют итоговую рождаемость на уровне 1,73-1,77 ребёнка - несколько выше исторического минимума когорт начала 1970-х гг. (1,59), но значительно ниже порога замещения. Пронаталистская политика, стартовавшая в 2007 году, по всей видимости, ускорила реализацию отложенных рождений у части женщин, но не изменила фундаментальной структуры репродуктивных решений. Настоящее исследование показывает, что одним из ключевых механизмов, удерживающих рождаемость на субзамещающем уровне, является незавершённость гендерной революции: российское общество находится на этапе, при котором женщины уже в полной мере участвуют в публичной сфере, тогда как участие мужчин в домашней и родительской сферах остаётся ограниченным.

Институциональные барьеры, блокирующие переход ко второй фазе, хорошо документированы в отечественной литературе. Дефицит мест в яслях для детей младше трёх лет вынуждает матерей либо прерывать профессиональную деятельность на несколько лет, либо полагаться на помощь бабушек, что доступно далеко не всем семьям. Культурная стигматизация отцовского отпуска по уходу за ребёнком проявляется в том, что мужчины, формально имеющие право на такой отпуск, крайне редко им пользуются из-за опасений карьерных последствий и давления со стороны окружения. Жёсткие графики занятости, характерные для российского рынка труда, не оставляют пространства для гибкого совмещения работы и родительства ни для одного из партнёров. Совокупное действие этих факторов создаёт условия, в которых реализация эгалитарных установок оказывается ограниченной повседневными условиями и практиками.

Р. Лестег в своём обзоре развития теории СДТ подчёркивает, что субзамещающая рождаемость не является временным отклонением, которое само собой исчезнет по мере экономического роста или улучшения гендерного равенства в публичной сфере. Напротив, данные по странам ОЭСР показывают, что восстановление рождаемости до уровня замещения наблюдается лишь в тех обществах, где вторая фаза гендерной революции продвинулась достаточно далеко. Скандинавские страны и Франция, где отцовские квоты в родительских отпусках и доступная инфраструктура ухода за детьми стали нормой, демонстрируют более высокие показатели рождаемости, чем государства Южной и Восточной Европы, остающиеся в ловушке незавершённой трансформации.

Россия, по всей видимости, находится на раннем этапе осознания этой проблемы. Государственная демографическая политика по-прежнему ориентирована преимущественно на финансовое стимулирование материнства и пропаганду многодетности, тогда как вопросы перераспределения родительских обязанностей внутри семьи и трансформации институциональной среды

остаются на периферии публичной повестки. Монетарные меры дают ограниченный и кратковременный эффект, не затрагивая глубинных причин откладывания и отказа от рождений. Настоящее исследование дополняет эту картину, указывая на то, что разрыв между эгалитарными установками и традиционным гендерным контрактом внутри пары представляет собой самостоятельный и мощный фактор, сдерживающий рождаемость на уровне, несовместимом с простым воспроизводством населения.

Преодоление институциональной ловушки требует комплексного подхода, выходящего за рамки бюджетных трансфертов. Необходимо создание реальной инфраструктуры совмещения родительства и занятости для обоих родителей, включая расширение сети ясельных групп, введение обязательных и неотчуждаемых отцовских квот в родительском отпуске, развитие гибких форм занятости и борьбу с гендерной дискриминацией на рынке труда.

Выводы. Специфика российской траектории второго демографического перехода заключается в формировании уникальной институциональной ловушки, не имеющей прямых аналогов в классической западноевропейской модели. Если в странах Запада сдвиг к постматериалистическим ценностям и индивидуальной автономии относительно синхронизировался с адаптацией социальных институтов, то в России возник глубокий структурный разрыв. Население, и прежде всего когорты с высоким уровнем человеческого капитала, усвоило установки на гендерное равноправие и совместную самореализацию партнеров. При этом институциональная среда и повседневные практики внутри домохозяйств продолжают поддерживать традиционную модель распределения обязанностей, при которой основная нагрузка по уходу за детьми приходится на женщин. Именно это противоречие является существенным фактором, ограничивающим рождаемость.

Представленные результаты позволяют рассматривать распределение домашнего труда и ценностные установки партнёров как значимые характеристики социального контекста репродуктивного поведения.

Наблюдаемые статистические различия между ценностными группами указывают на необходимость учитывать не только материальные ресурсы семьи, но и условия совмещения профессиональной занятости с выполнением домашних и родительских обязанностей. Основной вывод настоящей работы заключается в наличии статистических ассоциаций между особенностями гендерного контракта и вероятностью репродуктивных переходов.

Суть выявленной ловушки кроется в незавершенности гендерной революции. Российское общество находится в промежуточной фазе, когда женщины в полной мере интегрировались в систему образования и рынок труда, а мужчины ещё не вовлечены в равной степени в домашние и родительские обязанности. Декларируемое равенство возможностей на рабочем месте не подкрепляется равным распределением обязанностей в быту. В результате рождение ребенка для образованной женщины означает снижение доходов, карьерные издержки и значительную дополнительную нагрузку. Рациональным ответом на такое положение вещей становится добровольное ограничение семьи одним ребенком или полный отказ от деторождения. Подобное поведение полностью соответствует логике индивидуализированного выбора, характерного для эпохи постматериализма, где приоритет отдается качеству жизни и личной автономии.

Отказ от представления о том, что прямые выплаты сами по себе способны существенно повысить рождаемость, должен сопровождаться созданием инфраструктуры, позволяющей обоим родителям совмещать родительство и профессиональную деятельность. Без трансформации неформальных норм отцовства и устранения стигмы, окружающей мужчин, использующих возможности ухода за детьми, любые государственные инициативы будут давать точечный и краткосрочный эффект. Дальнейшее сохранение статус-кво законсервирует низкую рождаемость на уровне 1,5-1,6 ребенка на одну женщину, делая невозможным достижение даже простого воспроизводства населения.

Выход из сложившегося демографического тупика лежит в сфере институционального оформления нового партнерского контракта. Синхронизация культурных сдвигов, уже произошедших в сознании российских граждан, с реальными изменениями на рынке труда и в системе социальной поддержки способна снизить напряжение, порождаемое вторым демографическим переходом.

Список литературы

1. Стадник Н. М. Тенденции региональной дифференциации рождаемости при втором демографическом переходе в некоторых странах // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. № 2. С. 18–40. DOI: 10.17323/demreview.v10i2.17764.
2. Сененко А. Ш., Армашевская О. В., Соколовская Т. А., Шелгунов В. А. Репродуктивные установки молодежи: региональное исследование // Профилактическая медицина. 2024. Т. 27. № 4. С. 74–81. DOI: 10.17116/profmed20242704174.
3. Овчинникова Н. В. Репродуктивные установки молодежи // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Т. 10. № 2. С. 202–217. DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-202-217.
4. Ростовская Т. К., Рычихина Н. С. Репродуктивные установки российского студенчества: региональный аспект // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28. № 1. С. 98–114. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.7.
5. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Соловьева Н. А., Азарова Е. С. Репродуктивный потенциал молодой семьи: анализ социологического исследования // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 35–50. DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.3.
6. Алиев Д. Ф. Соотношение семейных и внесемейных ценностей в контексте репродуктивного поведения // Society and Security Insights. 2024. Т. 7. № 3. DOI: 10.14258/SSI(2024)3-08.
7. Кишенин П. А., Зинина А. И., Максимова Т. А. Темпы снижения рождаемости возрастают по всему миру: ловушка низкой рождаемости всё

вероятнее? // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11. № 4. С. 4–43.

8. Бессчетнова О. В. Семейные ценности и репродуктивные установки студенческой молодежи: рожать нельзя откладывать // Вопросы управления. 2025. Т. 19. № 2. С. 17–31. DOI: 10.22394/2304-3369-2025-2-17-31.

9. Гегер А. Э., Антончева О. А., Ляшко С. В., Кузнецова Е. И. Российская государственная семейная политика в региональном измерении: материальные стимулы и ценностные ориентации молодого поколения // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12. № 1. С. 169–184. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-1-0-9.

10. Kan M. Are gender attitudes and gender division of housework and childcare related to fertility intentions in Kazakhstan? // Genus. 2023. Vol. 79. Article 21. DOI: 10.1186/s41118-023-00200-1.

11. Suero C. Gendered division of housework and childcare and women's intention to have a second child in Spain // Genus. 2023. Vol. 79. Article 3. DOI: 10.1186/s41118-023-00182-0.

12. Paul P. L., Grönlund A. Gender equality as attitude or context: what matters for fertility ideals? // Journal of Family Studies. 2024. Vol. 30. No. 5. P. 780–793. DOI: 10.1080/13229400.2024.2330456.

13. Leocádio V., Verona A. P., Wajnman S. Exploring the association between gender equality in the family and fertility intentions: an explanation of the findings in low-fertility countries // Genus. 2024. Vol. 80. Article 26. DOI: 10.1186/s41118-024-00234-z.

14. Spéder Z., Bálint L. Realization of Short-Term Fertility Intentions in a Comparative Perspective: Which Macro-Level Conditions Matter? // Population Research and Policy Review. 2024. Vol. 43. Article 72. DOI: 10.1007/s11113-024-09913-3.

15. Begall K., Hiekel N. Examining the Gender Equality–Fertility Paradox in Three Nordic Countries // Population and Development Review. 2025. Vol. 51. No. 2. P. 858–888. DOI: 10.1111/padr.12721.

16. Leocádio V., Verona A. P., Wajnman S. A review of research of the relationship between gender equity and fertility in low-fertility settings // Journal of Population Research. 2025. Vol. 42. No. 1. Article 1. P. 1–26. DOI: 10.1007/s12546-024-09353-y.

17. García-Pereiro T., Mencarini L., Patimo R., Tanturri M. L. Women's Domestic Burden and Gendered Fertility Intentions in Italy: The Role of Parity and Child's Sex // European Journal of Population. 2025. Vol. 41. Article 22. DOI: 10.1007/s10680-025-09743-9.

18. Aragón-Morales A.-M., Ruiz-Jiménez A.-M. Decoding short-term fertility intentions: exploring the nexus of gender equality and societal factors in a comparative EU gender regimes analysis // Frontiers in Sociology. 2025. Vol. 10. Article 1651929. DOI: 10.3389/fsoc.2025.1651929.

19. Tugrul H., Aassve A. Cultural Foundations of the Second Demographic Transition: The Role of Inherited Values // European Journal of Population. 2026. Vol. 42. Article 6. DOI: 10.1007/s10680-025-09759-1.

References

1. Stadnik N. M. Tendentsii regional'noi differentsiatsii rozhdaemosti pri vtorom demograficheskom perekhode v nekotorykh stranakh // Demograficheskoe obozrenie. 2023. T. 10. № 2. S. 18–40. DOI: 10.17323/demreview.v10i2.17764.

2. Senenko A. Sh., Armashevskaya O. V., Sokolovskaya T. A., Shelgunov V. A. Reproduktivnye ustanovki molodezhi: regional'noe issledovanie // Profilakticheskaya meditsina. 2024. T. 27. № 4. S. 74–81. DOI: 10.17116/profmed20242704174.

3. Ovchinnikova N. V. Reproduktivnye ustanovki molodezhi // Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. T. 10. № 2. S. 202–217. DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-202-217.

4. Rostovskaya T. K., Rychikhina N. S. Reproduktivnye ustanovki rossiiskogo studenchestva: regional'nyi aspekt // Problemy razvitiya territorii. 2024. T. 28. № 1. S. 98–114. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.7.

5. Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V., Solov'eva N. A., Azarova E. S.

Reproduktivnyi potentsial molodoi sem'i: analiz sotsiologicheskogo issledovaniya // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2024. № 4. S. 35–50. DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.3.

6. Aliev D. F. Sootnoshenie semeinykh i vnesemeinykh tsennostei v kontekste reproduktivnogo povedeniya // Society and Security Insights. 2024. T. 7. № 3. DOI: 10.14258/SSI(2024)3-08.

7. Kishenin P. A., Zinina A. I., Maksimova T. A. Tempy snizheniya rozhdaemosti vozrastayut po vsemu miru: lovushka nizkoi rozhdaemosti vse veroyatnee? // Demograficheskoe obozrenie. 2024. T. 11. № 4. S. 4–43.

8. Besschetnova O. V. Semeinye tsennosti i reproduktivnye ustanovki studencheskoi molodezhi: rozhat' nel'zya otkladyvat' // Voprosy upravleniya. 2025. T. 19. № 2. S. 17–31. DOI: 10.22394/2304-3369-2025-2-17-31.

9. Geger A. E., Antoncheva O. A., Lyashko S. V., Kuznetsova E. I. Rossiiskaya gosudarstvennaya semeinaya politika v regional'nom izmerenii: material'nye stimuly i tsennostnye orientatsii molodogo pokoleniya // Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie. 2026. T. 12. № 1. S. 169–184. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-1-0-9.

10. Kan M. Are gender attitudes and gender division of housework and childcare related to fertility intentions in Kazakhstan? // Genus. 2023. Vol. 79. Article 21. DOI: 10.1186/s41118-023-00200-1.

11. Suero C. Gendered division of housework and childcare and women’s intention to have a second child in Spain // Genus. 2023. Vol. 79. Article 3. DOI: 10.1186/s41118-023-00182-0.

12. Paul P. L., Grönlund A. Gender equality as attitude or context: what matters for fertility ideals? // Journal of Family Studies. 2024. Vol. 30. No. 5. P. 780–793. DOI: 10.1080/13229400.2024.2330456.

13. Leocádio V., Verona A. P., Wajnman S. Exploring the association between gender equality in the family and fertility intentions: an explanation of the findings in low-fertility countries // Genus. 2024. Vol. 80. Article 26. DOI: 10.1186/s41118-024-00234-z.

14. Spéder Z., Bálint L. Realization of Short-Term Fertility Intentions in a Comparative Perspective: Which Macro-Level Conditions Matter? // Population Research and Policy Review. 2024. Vol. 43. Article 72. DOI: 10.1007/s11113-024-09913-3.
15. Begall K., Hiekel N. Examining the Gender Equality–Fertility Paradox in Three Nordic Countries // Population and Development Review. 2025. Vol. 51. No. 2. P. 858–888. DOI: 10.1111/padr.12721.
16. Leocádio V., Verona A. P., Wajnman S. A review of research of the relationship between gender equity and fertility in low-fertility settings // Journal of Population Research. 2025. Vol. 42. No. 1. Article 1. P. 1–26. DOI: 10.1007/s12546-024-09353-y.
17. García-Pereiro T., Mencarini L., Patimo R., Tanturri M. L. Women's Domestic Burden and Gendered Fertility Intentions in Italy: The Role of Parity and Child's Sex // European Journal of Population. 2025. Vol. 41. Article 22. DOI: 10.1007/s10680-025-09743-9.
18. Aragón-Morales A.-M., Ruiz-Jiménez A.-M. Decoding short-term fertility intentions: exploring the nexus of gender equality and societal factors in a comparative EU gender regimes analysis // Frontiers in Sociology. 2025. Vol. 10. Article 1651929. DOI: 10.3389/fsoc.2025.1651929.
19. Tugrul H., Aassve A. Cultural Foundations of the Second Demographic Transition: The Role of Inherited Values // European Journal of Population. 2026. Vol. 42. Article 6. DOI: 10.1007/s10680-025-09759-1.

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена после рецензирования 23.04.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 12.03.2026; approved after peer review 23.04.2026; accepted for publication 31.08.2026.